

М.А. Пахомова*

Политика КНР в отношении государств Арабского Востока в 1949–1978 гг.

АННОТАЦИЯ: В рамках предлагаемой вашему вниманию статьи мы обратимся к истории формирования политики КНР в отношении государств Арабского Востока в 1949–1978 гг. Именно на этом этапе складывались важные предпосылки для дальнейшего развития сотрудничества. Более того, без его анализа невозможно понять, в чём состоят принципиальные изменения, появившиеся на новом витке развития указанного вектора внешней политики Китая, начало которому было положено на рубеже 70–80 гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: КНР, Арабский Восток, история внешней политики.

В отсутствие дипломатического признания... 1949–1955

После Второй мировой войны, в результате распада колониальной системы мир превратился из многополярного в биполярный, что стало кардинальным изменением мирового порядка. Лидирующие позиции заняли СССР и США. В итоге «процесс разрушения колониальной системы разделил бывшие колонии на различные социально экономические и политически ориентированные группы, придерживавшиеся различных позиций» [2]. КНР и арабские страны не стали исключением среди множества стран, искавших своё место в формирующейся новой системе международных отношений.

На протяжении всей своей истории Китай неизменно позиционировал себя в качестве глобальной державы, и неудивительно, что в послевоенный период (1949–1955 гг.), непосредственно после

---

* Пахомова Мария Андреевна, к.и.н., м.н.с. ЦИОПСВ ИВ РАН, Москва, Россия; E-mail: tyratan@mail.ru

образования КНР, объединяющей идеей Китая стал курс на преодоление отсталости.

Отметим, что на первом этапе для китайского руководства было характерно классовое восприятие системы международных отношений и высокий уровень милитаризации правящих кругов. «После образования в 1949 г. КНР оказалась наиболее милитаризированной страной Азии. Это, естественно, вытекало из того, что консолидация власти на территории обширной страны — цивилизации произошла в результате ожесточённой и продолжительной гражданской войны. В её ходе народно-освободительная армия Китая превратилась в грозную силу, вооружённую современным для того времени оружием. Многие члены руководства КПК были военными (маршалы Чжу Дэ и Пэн Дэхуай и др.), однако наибольшее влияние в нём осталось за партийно-идеологическими кадрами во главе с Мао Цзэдуном и его соратником Чжоу Эньлаем» [1, с. 175–176]. При этом неудивительно было восприятие войны как неизбежной данности.

При рассмотрении позиции Китая в отношении Арабского Востока в послевоенный период возникает вопрос: какие интересы преследовала КНР на Арабском Востоке в 1949–1978 гг.? Рассмотрим различные точки зрения.

Историк и политолог Шанхайского института европейских и азиатских исследований и китайского Общества исследования Ближнего Востока Гуан Пань утверждает, что: «КНР стремилась к поддержанию сотрудничества с СССР, но в это время Китай не имел какой-либо материальной заинтересованности в участии в делах региона, а конфликты между различными странами Ближнего Востока рассматривал как следствие попыток крупных держав поделить влияние в регионе. В этот список можно включить и палестино-израильский конфликт и территориальные споры между Турцией и Сирией и Ирано-Иракское противостояние. В связи с этим КНР встала на позиции «политики невмешательства» [11, р. 35–36].

Более конкретно своё мнение выражает представитель израильско-тайваньской школы: «Ближний Восток представлялся Мао Цзэдуну, как стратегически важное направление внешней политики Китая (а не социалистического блока. — *М.П.*), ещё до образования КНР. Истоки этого восходят к периоду Второй мировой войны, когда для Китая чрезвычайно опасным представлялось возможное превращение Ближнего Востока в подконтрольный Германии регион, что вело и к усилению Японии. После окончания Второй мировой войны Китай рассматривал данный регион в качестве зоны соперничества между СССР и США, контроль над которой обеспечивал перевес одной из сторон. Исходя из этого КНР, например, выступила против подписания Багдадского пакта (1955 г.). С другой

стороны. Китай нуждался в международном признании и надеялся на поддержку ряда ближневосточных государств» [10, р. 10].

В целом можно сделать вывод о единстве мнений исследователей, с той лишь разницей, что они по-разному поданы: в 1956–1978 гг. КНР имела чётко выраженные интересы в регионе Арабского Востока, но интересы политико-идеологического характера преобладали над экономическими, что отнюдь не умаляло значение Арабского Востока для внешнеполитического курса КНР. Несомненно, Пекин осознавал важность этого региона в мировой политике и создании мирового баланса сил. Политика КНР, проводимая Мао Цзэдуном, изначально была весьма амбициозна. Интересные рассуждения по этому поводу приводит сотрудник ИДВ РАН Б.Т. Кулик: «В 1949 г. перед КНР встала задача преодоления экономической немощи и превращение её в великую современную державу. На протяжении минувших 50 лет внешняя политика Пекина была направлена на обеспечение благоприятных международных условий для решения этой задачи. Её неизменность отнюдь не делала китайскую внешнюю политику прямолинейной и однотонной» [7, с. 613].

Важнейшим фактором, повлиявшим на образование предпосылок к развитию отношений со странами Арабского Востока, стала принятая на недолгий отрезок времени просоветская ориентация КНР. После провозглашения образования КНР в 1949 г. формирование её внешней политики в отношении стран Арабского Востока проходило на фоне курса Мао Цзэдуна «склониться на одну сторону» (一边倒), предполагавшего партнёрские отношения с СССР и другими странами социалистического блока, в рамках «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой» (1950 г.).

Как отмечает Е.М. Примаков, именно в это время (после окончания второй мировой войны) произошла активизация внешней политики СССР в арабском мире. Возросло геополитическое значение Ближнего Востока «как огромного нефтяного резервуара для быстро развивающих свою экономику западных стран, военно-стратегического плацдарма вблизи к границам Советского Союза — основного противника США в начавшейся холодной войне» [8, с. 22–23].

Поначалу Пекин высказывался в отношении арабских стран в основном в духе антиимпериалистической пропаганды, выступал в поддержку антиколониальных движений. Китайские СМИ приветствовали антибританские настроения 1951 г. в Египте, национализацию нефти Ираном в 1952–1953 гг. и антифранцузскую борьбу в Алжире [11, р. 35].

Для политики арабских стран в отношении КНР в этот период не характерно стремление к сотрудничеству. Некоторые из них ещё

переживали период внутреннего становления. Одиннадцать стран уже получили независимость, однако ни одна из них не признала КНР. Очевидно, здесь также сказалась система блокового противостояния. Многие страны ещё не определились, к какому блоку примкнуть.

Изначально позиция арабских стран в отношении КНР базировалась на резолюции принятой ЛАГ в августе 1950 г., суть её состояла в непризнании КНР. В 1950 г. ЛАГ голосовала за право Китайской Республики (Тайваня), а не Китайской Народной Республики быть признанной в качестве официального представителя китайского народа в ООН [17, р. 73–78].

Процесс признания КНР арабскими странами растянулся на 40 лет до начала 1990-х годов (см. Табл. 1). И если первая арабская страна признала КНР в 1956 г. (Египет), то последняя только в 1990 г. (Саудовская Аравия).

Таблица 1

**Хронология установления дипломатических отношений
Китая со странами Арабского Востока и ООП**

Страна	Дата
Египет	30.05.1956 г.
Сирия	01.08.1956 г.
Йемен	24.09.1956 г.
Ирак	25.08.1958 г.
Марокко	01.11.1958 г.
Алжир	20.12.1958 г.
Судан	04.02.1959 г.
Тунис	10.01.1964 г.
Мавритания	19.07.1965 г.
Организация освобождения Палестины	1966 г.
Йемен (южный)	1967 г.
Кувейт	22.03.1971 г.
Ливан	09.11.1971 г.
Иордания	14.04.1977 г.
Ливия	09.04.1978 г.
Оман	25.05.1978 г.
Объединённые Арабские Эмираты	01.11.1984 г.
Катар	09.07.1988 г.
Бахрейн	18.04.1989 г.
Саудовская Аравия	21.07.1990 г.

Единственной страной ближневосточного региона (не арабского), признавшей КНР в этот период (1949–1955 гг.), явился Израиль: «9 января 1950 г. первый в истории Израиля министр иностранных дел Моше Шаррет направил телеграмму премьер-министру и министру иностранных дел КНР Чжоу Эньлаю, которая гласила: „имею честь известить Ваше Превосходительство, что правительство Израиля решило признать Ваше правительство как правительство Китая де-юре“» [12, р. 274]. «Понимая важность установления отношений с Китаем, государство Израиль инициировало установление дипломатических отношений с КНР и не ответило взаимностью на его признание Республикой Китай (Тайвань). При этом ответного признания в отношении Израиля со стороны КНР не было получено» [15, р. 81–82].

По мнению ряда исследователей одним из факторов, помешавших установлению дипломатических отношений между Израилем и КНР, явилась «холодная война». Спустя несколько дней Израиль (13.01.1950 г.) проголосовал против признания КНР в ООН.

Лишь к 1954 г. в КНР возникла тенденция к появлению произраильских настроений. Премьер-министр и министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай заявил о намерении Китая нормализовать отношения с Израилем. В 1955 г. израильская делегация во главе с Д. Хакоэном посетила КНР. Однако вскоре после этого КНР начала политику сближения с арабскими странами. С середины 1960-х гг. отношения вошли в период застоя.

После 1965 г., когда КНР поддержала представительство ООП и на различных форумах выступала с антиизраильской риторикой, Израиль, несмотря на сложные отношения с Тайванем, выступил против исключения Тайваня и передачи его места в ООН КНР. Только в 1971 г. под влиянием международных реалий он изменил свою позицию и проголосовал за КНР. При этом Израиль продолжал поддерживать контакты с Тайванем в военной и экономической сферах [15, р. 81–82].

Таким образом, в период с 1949 по 1955 г. КНР не установила дипломатические отношения ни с одной из стран Арабского Востока. КНР стремилась поддержать партнёрские отношения со странами социалистического блока, в том числе и в области внешнеполитического курса, однако имела и собственные интересы в регионе. Позиция арабских стран о непризнании КНР основывалась на общем решении, закреплённом резолюцией ЛАГ в 1951 г. В указанный период была попытка установления дипломатических отношений с КНР со стороны Израиля, однако КНР не высказала ответного признания, что во многом было связано с системой идеологического противостояния.

С другой стороны складывались объективные предпосылки для развития отношений между КНР и странами Арабского Востока. Так, усиление процессов деколонизации на Арабском Востоке после окончания Второй мировой войны, условия межблоковой конфронтации и активизация политики СССР в арабском мире несомненно сыграли свою позитивную роль на следующем этапе, но лишь в установлении диалога с частью арабских стран.

Первый этап формирования политики КНР в отношении государств Арабского Востока 1955–1965 гг.

Настоящей отправной точкой первого этапа китайской политики на Арабском Востоке (1955–1966 гг.) следует считать установление отношений с первой арабской страной — Египтом (1956 г.). С этого времени мы можем говорить о качественно новом содержании отношений.

Переломным моментом, заложившим основу для установления отношений с Египтом и дальнейшего усиления КНР на Арабском Востоке, стало участие КНР в Бандунгской конференции (1955 г.). Во-первых, в ходе конференции КНР удалось резко изменить мнение участников (около 30% участвовавших стран были арабскими) в свою пользу благодаря провозглашению «пяти принципов мирного существования». Во-вторых, на конференции произошла первая встреча Мао Цзэдуна с Насером. Прямым следствием этого события стало установление дипломатических отношений с Египтом (1956 г.), а затем и с Сирией (1956 г.), а также последовавшее за этим подписание десяти соглашений, позволивших КНР упрочить своё присутствие в регионе [15, p. 24].

Несомненно, способствовала развитию отношений и победа национально освободительных движений в ряде стран Арабского Востока: Алжир — 1954 г., Судан, Марокко и Тунис — 1956 г.

При рассмотрении формирования внешнеполитического курса Китая, как и любой другой страны, было бы неправильно не обратиться ко взглядам и концепциям его создателей. Несомненно, одной из важнейших фигур, определявших китайскую дипломатию с момента образования КНР и до начала 70-х гг., был Чжоу Эньлай. Вот, как например, отзывается о нём в своей монографии Г. Киссинджер: «За почти 60 лет своей публичной жизни я не встречал человека более притягательного, чем Чжоу Эньлай... Он выделялся исключительным интеллектом и способностью постигать неуловимые оттенки психологии своего собеседника. Когда я повстречался с ним, он находился на посту премьера в течение почти 22 лет, а соратником Мао Цзэдуна был 40 лет. Он сделал себя незаменимым в

качестве важного посредника между Мао и народом... тонкий и чуткий стиль Чжоу Эньлая помогал преодолеть многие ловушки в разворачивающихся отношениях...» [6, с. 666–668].

Китайские аналитики обращают внимание на особый стиль дипломатии Чжоу Эньлая в отношении арабских стран, выделяя шесть её важнейших составляющих: «1) идея „народной дипломатии“; 2) отношения в области культуры и торговли, как движущие силы политического взаимодействия; 3) для установления отношений с арабским миром следует выждать время... когда сложатся соответствующие условия, тогда будут установлены и отношения; 4) „имидж“ КНР в регионе, применение возможностей исламского фактора в дипломатии. Например, отправка китайской мусульманской делегации в Египет за год до установления отношений. Примечательно, что на Бандунгской конференции Чжоу Эньлая сопровождали двое мусульман: заместитель главы КИА имам Ма Пушэн и профессор Лю Линжуй — сотрудник кафедры арабского языка Пекинского университета. При себе они имели такие материалы, как „Коран“, „Конституция КНР“ (на арабском языке), „Жизнь китайских мусульман“, „Китайские мусульмане“; 5) поиск общих интересов. Чжоу Эньлай полагал, что основой должна стать идея антиколониализма, от которой можно было легко перейти к другим вопросам; 6) „пять принципов мирного сосуществования“» [16, р. 36–39].

После установления дипломатических отношений с Египтом (1956 г.) понадобились квалифицированные кадры для развития дипломатических, торговых, культурных отношений, что способствовало росту ближневосточных исследований. Это послужило толчком к изданию переводной литературы с арабского, турецкого, иврита, персидского. Подобный подход стал следствием выхода статьи Чжоу Эньлая «По вопросу интеллигенции» (1956 г.) [13, р. 19]. Однако, в первое десятилетие после образования КНР особенно активных исследований не проводилось.

30 декабря 1963 г. Мао Цзэдун в связи с делом об усилении исследований зарубежных стран отметил, что в КНР нет информации о христианстве, буддизме и исламе. Вслед за этим Премьер Чжоу Эньлай провёл заседание, на котором подчеркнул необходимость исследования международной проблематики. Участники представили доклад под названием «Об усовершенствовании внешнеполитических исследований», где подчёркивалось, что подобные исследования должны отвечать нуждам процесса деколонизации на Ближнем, в том числе Арабском Востоке. Было озвучено решение создать независимые научно-исследовательские институты. Таким образом, была создана Центральная руководящая группа по содействию международным исследованиям. В результате этого с 1961 по 1964 г. появился

ряд институтов по изучению Ближнего Востока. Среди них: Институт Западной Азии и Африки Академии общественных наук КНР, Институт азиатско-африканских исследований при Пекинском университете, Институт ближневосточных исследований Северо-западного университета (сейчас это Институт исламских исследований) и Институт исследования Северной и Южной Азии Университета Юньнани.

Как отмечают сами китайские исследователи, «создание этих структур было, прежде всего, призвано служить внешнеполитическим интересам КНР, а не разработке сугубо академических областей» [13, р. 18].

До 1974 г. 14 издательств КНР выпустило из печати несколько серий книг. Из них 99 книг были посвящены проблематике азиатских и африканских исследований. С 1974 по 1978 г. вышло ещё 26 переводных книг, посвящённых географической тематике (см.: [13, р. 19–23]).

Активизация китайско-египетского взаимодействия в виде установления дипломатических отношений, учитывая традиционное влияние Египта в регионе, явилась успешным стартом для дальнейшего расширения внешнеполитических связей КНР на Арабском Востоке. Важным средством упрочения завоёванных позиций стала программа экономической помощи КНР странам Ближнего Востока [15, р. 24].

За короткий период с мая по сентябрь 1956 г. были установлены отношения с Сирией (май), где независимая республика была провозглашена ещё в 1947 г., и Йеменским Мутаваккилийским Королевством (сентябрь). Очевидно к этому периоду у указанных стран сложились особые отношения с Египтом и странами социалистического блока, что повлияло на развитие отношений с КНР.

В середине 1950-х гг. в Сирии, на фоне формирования нового правительства во главе с Хашимом аль-Атаси и обострения отношений с США, началось укрепление отношений с СССР (подписание торгового и платёжного соглашения в 1955 г.) и странами советского блока [5, с. 196–197].

Йеменское Мутаваккилийское Королевство в это время переживало период ослабления и внутренней нестабильности. В конце 1950-х годов Йемен ушёл от политики изоляционизма. У него также активно развивались отношения с СССР (при содействии СССР строится морской порт в Ходейде). А в 1958 г. Йемен даже выражал желание присоединиться к Объединённой Арабской Республике в составе Сирии и Египта [5, с. 196–197].

Первым арабским лидером, посетившим Китай в 1958 г., стал наследный принц Йемена Мухаммад ал-Бадр. По итогам визита КНР предоставила Йемену заём на 16,4 млн. долл. Стороны подписали

«Соглашение о дружбе». КНР направила в Йемен специалистов для строительства завода по производству тканей и строительства первого современного высокоскоростного шоссе [15, р. 80–91]. Отметим, что отношения, установленные странами в 1956 г., продолжились и после военного переворота в Йемене 1962 г. Об отношениях КНР с Южным Йеменом, находившимся в то время под влиянием Великобритании, речи не шло.

Следующим важным действием КНР, способствовавшим укреплению её позиций в регионе, стала поддержка, оказанная Египту в ходе Суэцкого кризиса (1956–1957 гг.). В итоге Китай стал вторым после СССР рынком для египетского экспорта [10, р. 26].

Китай выступил против введения американских войск в Ливан в июле 1958 г., против ввода английских войск в Иорданию (несмотря на то, что Иордания не признала КНР в 1957 г. после решения принятого Парламентом, а установила отношения с Китайской Республикой) и признал Ирак, где после революции «14 июля 1958 года» была провозглашена Иракская Республика, в свою очередь, получив ответное признание.

В это время возникли вопросы в отношениях с Египтом. Давали знать о себе и антикоммунистические настроения в Египте. На фоне этого основным партнёром КПК на Арабском Востоке стал Ирак. Однако там Китай вскоре обвинили во вмешательстве во внутренние дела и поставках вооружения для «коммунистического переворота» в Ираке. По мере ухода премьер-министра Ирака Абдель Керима Касема от коммунистических настроений ослабевали и отношения с КНР [10, р. 27].

В последующие два года были установлены отношения с Марокко (1958 г.), Суданом (1959 г.) и Сомали [11, р. 35]. После создания 19 сентября 1958 Алжирским Фронтом национального освобождения Временного правительства республики Алжир (со штаб-квартирой в Каире)¹ оно было сразу признано арабскими странами. КНР признала это правительство через 3 дня, став первой не арабской страной признавшей Алжир [20]. За ней последовали Северная Корея и Северный Вьетнам. Вскоре в Пекин нанёс визит вице-президент алжирского правительства. Стороны договорились о полном установлении дипломатических отношений [18].

Наряду с заметным потеплением в китайско-арабских отношениях, естественно, наблюдалось всё большее отдаление от Израиля.

---

¹ Отметим, что право Алжира на самоопределение было признано правительством Де-Голля лишь в 1959 г.

Важные достижения активной политики КНР на Арабском Востоке этого периода были закреплены на Первой Конференции неприсоединения в Белграде (1961 г.): «Те из стран, участвующих в конференции, которые признают правительство КНР, рекомендуют Генеральной Ассамблее (ООН. — *М.П.*) на её предстоящей сессии признать представителей КНР единственно законными представителями этой страны в ООН» [3, с. 73]. Опираясь на эту резолюцию на заседании ЛАГ, состоявшемся 17 сентября 1961 г. было провозглашено: каждая страна решает вопрос о признании КНР самостоятельно [21].

Раскол в социалистическом лагере и оформление противостояния СССР и Китая не могли не сказаться на отношениях КНР со странами Арабского Востока. Арабские страны региона, имевшие тёплые отношения с СССР не собирались рушить их из-за Китая (например, Египет или Сирия).

Следствием этого сначала явилось улучшение отношений Китая с радикальными силами (ООП и т.д.), а затем с некоторыми прозападными режимами региона [11, р. 36], такими как Иран и Турция (отношения установлены в 1971 г.) [22].

На этом этапе Китай занял следующую позицию: и советское и американское влияние одинаково негативно для региона. Подобный подход стал следствием начавшегося советско-китайского соперничества в регионе. В качестве средств лоббирования своего влияния Пекин оказывал безвозмездную поддержку в области поставок гуманитарных грузов и в области подготовки образовательных программ.

Достижения китайской политики в арабском мире было призвано закрепить провозглашение Чжоу Эньлаем в 1963 г., в ходе визита в Алжир, «пяти принципов отношений Китая с арабскими странами» [24, р. 11]:

- 1) Китай поддерживает национальную независимость арабских стран и ведение борьбы против империализма, а также старых и новых колонизаторов;
- 2) Китай поддерживает политику нейтралитета и неприсоединения арабских стран;
- 3) Китай поддерживает единство арабских стран в выборе пути развития;
- 4) Китай поддерживает способы, основанные на принципах мира и невмешательства во внутренние дела, выработанные арабскими странами для решения внутренних проблем;
- 5) Китай уважает свободу и нейтралитет арабских стран и придерживается политики невмешательства в их внутренние дела.

Таким образом, к 1966 г. КНР добилась очевидного успеха в регионе. В Китае активизировались ближневосточные исследования,

был налажен активный диалог с такими ведущими странами, как: Египет, Сирия, Йемен, Ирак, Алжир и т.д. На основании этих достижений менялось мнение ЛАГ о признании КНР. Решение ЛАГ о том, что это вопрос решается каждой страной самостоятельно, явилось значительным достижением китайской дипломатии и создало возможность для ускоренного развития диалога с другими арабскими странами. На этом этапе началось соперничество с СССР в регионе Арабского Востока, следствием чего явилась активизация политики Китая, в том числе провозглашение «пяти принципов китайско-арабского сотрудничества».

**Политика КНР на Арабском Востоке в период
«культурной революции» и непосредственно после неё
1965–1978 гг.**

Второй период отношений с арабскими странами знаменовало собой начало «культурной революции» в Китае. На различных этапах этого значимого в истории Китая внутривластного процесса политика в отношении Арабских стран претерпевала изменения.

Первая фаза «культурной революции» (1966–1969 гг.) с её курсом «широкого единого антиимпериалистического фронта» (против СССР и США) негативно сказалась на китайской политике в регионе Арабского Востока. Из региона с целью идеологического перевоспитания были отозваны все китайские послы, за исключением Хуан Хуа, посла в Египте [19, р. 668]. В отношениях резко возобладала идеологическая составляющая. В связи с этим в самом начале «культурной революции» КНР была признана Палестина (1966 г.), причём КНР стала первой неарабской страной, признавшей ООП, и установлены отношения с Народной Демократической Республикой Южный Йемен (1967 г.). К 1967 г. объём торгового оборота КНР с арабскими странами упал практически вдвое по сравнению с предыдущими годами [10, р. 28].

На **втором этапе** «культурной революции» (1969–1973 гг.) постепенное ослабление радикальных настроений и возобновившийся поиск внешнеполитических ресурсов для развития страны способствовали потеплению отношений с США и странами западного блока.

Китайские руководители стали смотреть на внешний мир прагматичнее, а улучшение отношений с США казалось Пекину инструментом противодействия Москве. Способствовало этому и то, что Р. Никсон пришёл к власти с идеей перестроить политику США в Азии во многом с учётом китайского фактора, поэтому китайское направление внешней политики США сразу приобрело большое значение. К июлю 1969 г. стало ясно, что обозначился новый курс США на сближение с

КНР, который впоследствии привёл к установлению дипломатических отношений между двумя государствами [9, с. 132].

На фоне постепенного роста международной поддержки КНР, к 1971 г. она была признана законным представителем китайского народа в ООН. В это решение внесли свой вклад и арабские страны. В 1965 г. Алжир, Сомали и Сирия, уже ставшие традиционными партнёрами КНР, выступили за предоставление места КНР в ООН. В 1969 г. за предоставление места КНР выступили также Ирак, НДРЙ, ЙАР и Мавритания. В том же году представитель Алжира заявил: «без участия КНР в ООН не могут быть решены различные важные мировые проблемы... КНР признала Алжир и поддержала алжирскую революцию, тогда как ряд стран ещё колеблется с этим решением...» [21]. В ходе голосования по этому вопросу другие арабские страны также проголосовали «за». Таким образом, КНР в соответствии с резолюцией № 2758 (29-я сессия ООН) стала действительным членом ООН. При этом из 76 голосовавших 35 были «за», и семь из них были представителями арабских стран. В ходе голосования против выступила Саудовская Аравия, а Иордания, Ливан и Катар — воздержались.

15 ноября 1971 г. Постоянный представитель Марокко при ООН выразил приветствие китайскому представителю от лица всех арабских стран: «за прошедшие несколько десятилетий большинство арабских стран, включая Марокко, не только установили дипломатические отношения с КНР, но и установили отношения взаимного доверия в вопросах сотрудничества и торговли, это наилучшая основа для дружбы» [21].

С этого момента КНР стала членом Совета Безопасности ООН, что значительно повысило уровень её влияния на Арабском Востоке.

После потепления отношений с США и признания КНР в ООН были установлены дипломатические отношения с Кувейтом и Ливаном (1971 г.), Национальный Банк Китая открыл филиал в Бейруте. Этот банк стал центром китайского экономического сотрудничества с Арабским Востоком. КНР проявила активную позицию в отношении создания Организации исламского сотрудничества.

Другим фактором, положительно сказавшимся на восприятии КНР в регионе в этот период стало ухудшение советско-арабских отношений. Китайскую дипломатию крайне воодушевило ухудшение советско-египетских отношений при Анваре Садате (1971 г.) [11, р. 36].

В начале 70-х КНР урегулировала отношения большинством стран Арабского Востока, умерив «ультралевые» тенденции во внешней политике [14, р. 4]. На **третьем этапе** «культурной революции» (1973–1976 гг.) пришло осознание необходимости корректировки

внешне- и внутривосточных доктрин. На 10 съезде КПК был официально взят курс на нормализацию отношений с Западом. Как следствие, в конце этого периода были установлены дипломатические отношения с Иорданией (1977 г.), Ливией, Оманом (1978 г.).

Политика КНР в отношении арабских стран вновь активизировалась. Например, только в 1976 г. Китай посетили 30 различных делегаций из 16 стран Арабского Востока и Персидского залива, а 16 делегаций КНР посетили различные страны этого региона. КНР подписала четыре торговых протокола с Суданом, Египтом, Сирией, Алжиром.

Таким образом, с 1966 по 1978 гг. китайская внешняя политика на Арабском Востоке следовала резко менявшемуся внутривосточному курсу от радикальных настроений первого этапа до курса на сближение с Западом, аналогичными были и результаты. Если на первом этапе были заморожены дипломатические отношения со многими арабскими странами, то последующие два этапа «культурной революции» следует считать весьма позитивными для развития отношений с арабскими странами.

Выводы

В 1949–1978 гг. КНР проводила активную политику на Арабском Востоке. Формирование внешнеполитического курса КНР в отношении арабских стран на данном этапе можно условно подразделить на два периода (исключая отрезок времени с 1949 по 1955, который, ввиду отсутствия дипломатических отношений, периодом считаться не может): 1) с момента установления отношений с первой арабской страной — Египтом до начала «культурной революции» в Китае (1956–1965 гг.); 2) политика в период «культурной революции» и непосредственно после неё (1965–1975 гг.).

Политика КНР в отношении арабских стран также исходила из общей концептуальной установки по укреплению влияния в мировом масштабе.

Китайская внешняя политика в регионе, исходя из общедоктринальных внешнеполитических положений, строилась на основе идеологического фактора, в связи с чем КНР высказывала свою лояльность национально-освободительным движениям в арабских странах. На Арабском Востоке КНР преследовала цель заручиться поддержкой стран социалистической ориентации для того, чтобы стать признанной страной международного сообщества, заняв место в ООН.

Важнейшим событием, повлиявшим на признание КНР частью арабских стран, стала политика, сформулированная руководством КНР на Бандунгской конференции, и провозглашение «пяти принципов мирного существования». Следующим поворотным моментом

явилось провозглашение Чжоу Эньлаем «пяти принципов сотрудничества КНР с арабскими странами». После конфликта отношения с арабскими странами протекали на фоне соперничества в социалистическом лагере.

На этом раннем этапе при выработке внешнеполитической стратегии в отношении региона КНР уже начала применять такие, сохранившиеся по настоящее время, средства внешней политики, как оказание помощи странам региона, проведение «исламской дипломатии». Были установлены дипломатические отношения с тринадцатью арабскими странами. Активное развитие получили отношения с Египтом, Ираком, Алжиром, НДРЙ, ЙАР.

Литература

1. *Белокреницкий В.Я.* Восток в международных отношениях и мировой политике. М.: Восточный университет, 2009. 292 с.
2. *Володин А.Г., Широков Г.К.* Глобализация: начала, тенденции, перспективы. М.: ИВ РАН, 2002. 260 с.
3. Декларация глав государств или правительств неприсоединившихся стран // Движение неприсоединения в документах и материалах / Под ред. *Р.А. Тузмухамедова*. М.: Восточная литература, 1975. 263 с.
4. *Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В.* Государство Израиль. М.: ИВ РАН ; МГИМО(У) МИД РФ, 2005. 559 с.
5. История Востока. Том 6. Восток в новейший период (1945–2000). М.: Восточная литература РАН, 2008.
6. *Киссинджер Г.* О Китае. М.: Астрель, 2013. 635 с.
7. *Кулик Б.Т.* Внутренние факторы формирования внешней политики КНР // Китай на пути модернизации и реформ: Сборник к 50-летию КНР. М.: Восточная литература РАН, 1999. 837 с.
8. *Примаков Е.М.* Ближневосточный курс России: исторические этапы // Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: ИВ РАН, 2012. С. 21–32.
9. *Широков М.Н.* Инициативы администрации Р. Никсона в отношении Китая и обсуждение китайской политики в правительственных кругах США (январь–август 1969) // Вестник Томского государственного университета. 2009, № 320.
10. *Avishai Bar-Magen.* Taking advantage of the waking dragon: post cold war Middle East-China relations. Taipei: National Chengchi University, 2011. 119 p.
11. *Guang Pan.* China's Success in the Middle East // Middle East Quarterly. December 1997. P. 35–40.
12. *Goldstein J.* The Republic of China and Israel 1911–2003 // Israel: The first Hundred Years. Vol. 4. Israel in the international arena.
13. *Degang Sun.* Six Decades of Chinese Middle East Studies: A Review // Bustan: The Middle East Book Review, Vol. 2, Issue 1. P. 15–32.
14. *Kuangyi Yao.* Development of China-Arab Relations and the Evolution of China's Middle East Policy in the New Era // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). Vol. 1. 2007. № 1. P. 3–19.

15. *Lillian Craig Harris*. China Considers the Middle East. London, New York: I.B. Tauris, 1993. 345 p.
16. *Ma Lirong*. China's Cultural and Public Diplomacy to Countries in the Middle East // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). Vol. 4, № 2. 2010. P. 32–43.
17. *Pan Zhenqian*. China and the Middle East // China's Growing Role In the Middle East: Implications for the Region and Beyond. Gulf Research Center. Dubai: United Arab Emirates and The Nixon Center. Washington, DC. 2010. P. 73–97.
18. *Walter Zander*. China and the Middle East // Jewish chronicle, 24 February 1961.
19. *Yitzhak Shichor*. China's Upsurge: implications for the Middle East // Israel Affairs. Vol. 12. October 2006. № 4. P. 665–683.
20. تاريخ العلاقات الصينية العربية منذ تأسيس جمهورية الصين الشعبية URL: <http://arabic.people.com.cn/31660/6732291.html> (дата доступа 21.10.2013).
21. Арабский взгляд (Алабожэнь гуаньдянь 阿拉伯人观点) / Официальный сайт представительства ЛАГ в КНР. URL: <http://www.arableague-china.org/chinaese/araborchina/connection1.htm> (дата обращения: 10.09.2012).
22. Лидеры Китая и Турции направили друг другу поздравления по случаю сорокалетней годовщины установления дипломатических отношений (Чжун-Ту линдаожэнь ху-чжи сыши чжоунянь хэ-дянь 中土领导人互致建交40周年贺电// Жэньминь жибао (03.08.2011 № 10) http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2011-08/03/nw.D110000renmrb_20110803_1-01.htm?div=-1 (дата обращения: 21.07.2013).

М.А. Pakhomova*

**Politics of the People's Republic of China
to the Arab world states (1949–1978)**

ABSTRACT: The article deals with the history of formation of the People's Republic of China's policy to the states of Arabian East in 1949–1978. That time the important premises for further development of cooperation between China and Arab countries were formed. Their analysis allows understanding the basic changes which appeared on a new stage of development of the Chinese-Arabian relations.

KEYWORDS: People's Republic of China, Arabian East, history of foreign policy.

* Pakhomova Maria Andreyevna, PhD in Hist., Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia; E-mail: tyratan@mail.ru